

Это не столько достоверный научный труд, сколько философская программа

27 августа 22:55

Лев Оборин

Обложка книги Петера Вольлебена «Тайная жизнь деревьев»

НИУ ВШЭ

Дилетантизм в естественных науках, вероятно, не менее распространен, чем в гуманитарных, но до магазинных полок научно-популярные книги дилетантов доходят реже. Когда мы узнаем, что автор «Тайной жизни деревьев» – инженер лесного хозяйства, лесник со стажем, вроде бы не приходится сомневаться в его компетентности. То, что человек, тесно работающий с деревьями, относится к ним как к

родным, вполне естественно. Наконец, перевод книги вышел в научной серии «Высшей школы экономики» – тоже внушает доверие.

Не все, однако, так безоблачно. Когда книга Вольлебена стала бестселлером в Германии, немецкие ученые запустили петицию, в которой требовали не относиться к вольлебеновским сведениям серьезно: многие его утверждения (у деревьев есть память! деревья испытывают альтруизм и помогают своим сородичам!) – чистая фантастика, а другие неверны, несмотря на богатый практический опыт автора. Русский перевод изобилует примечаниями научного редактора: «В лесоведении считается доказанным, что внутривидовая конкуренция за ресурсы тоже имеет место», «Это утверждение может быть правильно только в стабильной системе немецкого леса» и даже «Вообще-то и дуб, и бук цветут каждый год». Читателя это может заставить относиться со скепсисом и ко вполне достоверным сведениям, а их тут масса: Вольлебен помогает понять, как по дереву путешествует вода, как действует фотосинтез, зачем деревья вступают в симбиоз с грибами и животными. Всякий раз, наткнувшись на что-то на первый взгляд невероятное, вы будете смотреть вниз страницы: нет ли там примечания, осаживающего авторскую фантазию?

И вместе с тем это нужная книга. Она выполняет редкую задачу: позволяет взглянуть на нечто обыденное – лес, парк, отдельно стоящее дерево – как на сложнейшую и требующую уважения систему. Слова о чувствах деревьев и даже о большей их близости к животному миру, чем обычно считается, не просто метафоры: для их более буквального восприятия нужно всего лишь абстрагироваться от привычных человеческих мерок (ведь столетний возраст, до которого мало кто из людей доживает, для дерева – ранняя юность). И тогда, узнав, например, что раны на коре шире 3 см критичны, что в любой порез на коре моментально проникают вредоносные грибы и микроорганизмы, вы задумаетесь, отдирать ли ее ради березового сока, вырезать ли на дереве сердце с инициалами.

Деревья-долгожители кажутся нам благородно лишенными эмоций. Мы не воспринимаем их как социум. Читавшие в детстве Бианки, однако, помнят мрачную рубрику «Лесной газеты» – «Война в лесу», опосредованную, несомненно, военным и блокадным опытом автора (отсылаю здесь к повести Полины Барсковой «Листодер»). Главный ресурс для деревьев – свет, и война за него идет настоящая, только в непривычном для нас темпе: деревья-стратеги мыслят десятилетиями и столетиями. Здесь напрашивается еще одна литературная параллель – фантастический рассказ Артура Кларка «Крестовый поход» о

самопроизвольно зародившихся на далекой холодной планете компьютерах, тысячи лет анализирующих информацию. Да, подход Вольлебена к деревьям чересчур антропологизирующий. Но благодаря его новизне мы можем оценить пропасть между нашими формами жизни.

Петер Вольлебен. Тайная жизнь деревьев. Что они чувствуют, как они общаются – открытие сокровенного мира / пер. с нем. Н. Ф.

Штильмарк; под ред. А. В. Беликович. М.: НИУ ВШЭ, 2017

(Исследования культуры)